

"АПРЕЛЬСКИЕ ДНИ"

23 марта Соединенные Штаты вступили в войну. В этот день Петроград хоронил жертвы Февральской революции. Траурная, но по настроениям торжественно-жизнерадостная манифестация была могущественным заключительным аккордом симфонии пяти дней. На похороны пришли все: и те, кто сражался бок о бок с убитыми, и те, которые удерживали от борьбы, вероятно, и те, которые их убили, а больше всего те, которые оставались в стороне от борьбы. Рядом с рабочими, солдатами, мелким городским людом тут были студенты, министры, послы, солидные буржуа, журналисты, ораторы, вожди всех партий. Красные гробы на руках рабочих и солдат поплыли из районов на Марсово поле. Когда гробы начали опускать в могилу, с Петропавловской крепости, потрясая неисчислимые массы народные, грянул первый траурный салют. Пушки звучали по-новому: *наши* пушки и *наш* салют. Выборгский район нес пятьдесят один красный гроб. Это была лишь часть жертв, которыми он гордился. В шествии выборжцев, самом компактном из всех, выделялись многочисленные большевистские знамена. Но они мирно колыхались рядом с другими. На самом Марсовом поле остались лишь члены правительства, Совета и -- покойной, но упорно избегающей собственных похорон Государственной думы. Мимо могил продефилировали за день, со знаменами и оркестрами, не менее 800 тысяч человек. И хотя, по предварительным расчетам самых высоких военных авторитетов, подобная человеческая масса ни в каком случае не могла пройти в намеченные сроки, без величайшего хаоса и гибельных водоворотов, -- тем не менее манифестация прошла в полном порядке, знаменательном для тех революционных шествий, где господствует удовлетворенное сознание совершенных впервые великих дел в сочетании с надеждой, что дальше все пойдет к лучшему. Только это настроение и поддерживало порядок, ибо организация была еще слаба, неопытна и неуверенна в себе.

Самый факт похорон был, казалось, достаточным опровержением легенды о бескровной революции. И тем не менее царившее на похоронах настроение воспроизводило отчасти ту атмосферу первых дней, из которой эта легенда родилась.

Через двадцать пять дней -- за это время много прибавилось у советов опыта и уверенности в себе -- происходило празднование Первого мая, по западному календарю (18 апреля по старому стилю). Все города страны были затоплены митингами и демонстрациями. Не только промышленные предприятия, но и государственные, городские и земские учреждения не работали. В Могилеве, где помещалась ставка, во главе манифестации шли георгиевские кавалеры. Колонна штаба, не сменившего царских генералов, выступала со своим первомайским плакатом. Праздник пролетарского антимилитаризма сливался с революционно окрашенной манифестацией патриотизма. Разные слои населения вносили в праздник свое, но все вместе

сливалось еще в какое-то целое, крайне расплывчатое, отчасти фальшивое, но в общем величественное.

В обеих столицах и в промышленных центрах в празднестве господствовали рабочие, и в их массе уже отчетливо выделялись -- знаменами, плакатами, речами, возгласами -- крепкие ядра большевизма. Через огромный фасад Мариинского дворца, убежища Временного правительства, тянулась дерзкая красная полоса с надписью: "Да здравствует Третий Интернационал!" Власти, еще не скинувшие с себя административной застенчивости, не решались сорвать этот неприятный и тревожный плакат. Праздновали, казалось, все. Праздновала, как могла, действующая армия. Получались известия о собраниях, речах, знаменах и революционных песнях в окопах. Были отклики и с немецкой стороны.

Война еще не шла к концу, наоборот, она только расширяла свои круги. Целый континент недавно, как раз в день похорон жертв революции, вступил в войну, чтобы придать ей новый размах. Между тем во всех частях России вместе с солдатами в шествиях принимали участие и военнопленные, под общими знаменами, иногда и с общим гимном на разных языках. В этом необозримом торжестве, похожем на половодье, затоплявшее очертания классов, партий и идей, совместная демонстрация русских солдат и австро-германских пленных была ярким, обнадеживающим фактом, позволявшим думать, что революция, несмотря на все, несет в себе какой-то лучший мир.

Подобно мартовским похоронам, первомайский праздник прошел в полном порядке, без столкновений и жертв, как "общенациональное" торжество. Однако внимательное ухо могло уже без труда уловить в рядах рабочих и солдат нетерпеливые и даже угрожающие ноты. Жить становится все труднее. И действительно: цены угрожающе росли, рабочие требовали минимума заработной платы, предприниматели сопротивлялись, число конфликтов на заводах непрерывно нарастало. Ухудшалось продовольственное положение, сокращался хлебный паек, введены были карточки и на крупу. Росло недовольство и в гарнизоне. Штаб округа, подготавливая обуздание солдат, выводил из Петрограда наиболее революционные части. На общегарнизонном собрании 17 апреля солдатами, догадывавшимися о враждебных замыслах, был поднят вопрос о прекращении выводов частей: это требование будет в дальнейшем подниматься во все более решительной форме при каждом новом кризисе революции. Но корень всех бед -- война, которой не видно конца. Когда же революция принесет мир? Чего смотрят Керенский и Церетели? Массы прислушивались все внимательнее к большевикам, поглядывая на них искоса, выжидательно, одни с полу враждебностью, другие уже с доверием. Под торжественной дисциплиной праздника настроение было напряженным, в массах шло брожение.

Однако никто, даже авторы плаката на Мариинском дворце, не предполагали, что уже ближайшие два-три дня беспощадно разорвут оболочку национального единства революции. Грозные события, неизбежность которых многие предвидели, но которых никто так скоро не

ждал, внезапно надвинулись вплотную. Толчок им дала внешняя политика Временного правительства, т. е. проблема войны. Не кто иной, как Милюков, поднес спичку к фитилю.

История спички и фитиля такова. В день вступления Америки в войну воспрянувший духом министр иностранных дел Временного правительства развил журналистам свою программу: захват Константинополя, захват Армении, раздел Австрии и Турции, захват Северной Персии, а сверх этого, разумеется, право наций на самоопределение. "Во всех своих выступлениях, - так историк Милюков поясняет Милюкова-министра, -- он решительно подчеркивал пацифистские цели освободительной войны, но всегда приводил их в тесную связь с национальными задачами и интересами России". Интервью встревожило соглашателей. "Когда же иностранная политика Временного правительства очистится от фальши? -- негодовала газета меньшевиков. -- Почему Временное правительство не требует от союзных правительств открытого и решительного отказа от аннексий?" Фальшью эти люди считали откровенный язык хищника. В пацифистском прикрытии appetитов они готовы были видеть освобождение от фальши. Напуганный возбуждением демократии, Керенский поспешил заявить через бюро печати: программа Милюкова составляет его личное мнение. Что автор личного мнения является министром иностранных дел, считалось, очевидно, чистой случайностью.

Церетели, обладавший талантом сводить каждый вопрос к общему месту, стал настаивать на необходимости правительственного заявления о том, что война для России -- исключительно оборонительная. Сопrotивление Милюкова и отчасти Гучкова было сломлено, и 27 марта правительство разрешилось декларацией на тему о том, что "цель свободной России -- не господство над другими народами, не отнятие у них их национального достояния, не насильственный захват чужих территорий", -- но "при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников". Так цари и пророки двоевластия возвещали о своем намерении войти в царствие небесное в союзе с отцеубийцами и прелюбодеями. Эти господа, помимо всего прочего, были лишены чувства смешного.

Заявление 27 марта приветствовалось не только всей соглашательской печатью, но даже "Правдой" Каменева--Сталина, которая писала в передовой статье за четыре дня до приезда Ленина: "Ясно и определенно Временное правительство... заявило всенародно, что цель свободной России -- не господство над другими народами", и пр. Английская печать немедленно и с удовольствием истолковала отказ России от аннексий, как отказ ее от Константинополя, отнюдь, конечно, не собираясь распространять формулу воздержания и на себя. Русский посол в Лондоне забил тревогу и потребовал от Петрограда разъяснений в том смысле, что принцип "мира без аннексий принимается Россией не безусловно, а поскольку не противоречит нашим жизненным интересам". Но ведь это как раз и была формула Милюкова:

обещать не грабить того, что нам не нужно. Париж, в противовес Лондону, не только поддерживал Милюкова, но и подталкивал его, внушая

ему через Палеолога необходимость более решительной политики по отношению к Совету.

Тогдашний премьер Рибо, выведенный из себя жалкой канителью в Петрограде, запросил Лондон и Рим, "не считают ли они необходимым призвать Временное правительство положить конец всякой двусмысленности (equivoque)". Лондон ответил, что более разумно "предоставить французским и английским социалистам, посланным в Россию, прямо воздействовать на своих единомышленников".

Посылка в Россию союзных социалистов была произведена по инициативе русской ставки, т. е. старого царского генералитета. "Мы рассчитывали на него, -- писал Рибо об Альбере Тома, -- чтобы придать некоторую твердость решениям Временного правительства". Милюков жаловался, однако, что Тома слишком близко держится к вождям Совета. Рибо отвечал на это, что Тома "искренне стремится" поддерживать точку зрения Милюкова, но обещал все же побудить своего посла к еще более активной поддержке.

Пустая насквозь декларация 27 марта беспокоила все же союзников, видевших в ней уступку Совету. Из Лондона угрожали потерей веры "в боевую мощь России". Палеолог жаловался на "робость и неопределенность декларации". Милюкову этого только и нужно было. В надежде на помощь союзников Милюков пустился в большую игру, далеко превышавшую его ресурсы. Основная его мысль была -- направить войну против революции, ближайшая задача на этом пути -- деморализовать демократию. Но соглашатели как раз в апреле начали проявлять все большую нервность и суетливость в вопросах внешней политики, ибо на них неотступно напирала низы. Правительству нужен был заем. Между тем массы, при всем своем оборончестве, готовы были поддержать заем мира, но не заем войны. Нужно было приоткрыть перед ними хоть видимость мирной перспективы. Развивая спасительную политику общих мест, Церетели предложил потребовать от Временного правительства передачи союзникам ноты, аналогичной внутреннему заявлению 27 марта. Взамен этого Исполнительный комитет обязывался провести через Совет голосование за "заем свободы". Милюков согласился на обмен: заем за ноту, но решил использовать сделку вдвойне. Под видом истолкования заявления нота дезавуировала его. Она требовала, чтобы миролюбивые фразы новой власти не давали "ни малейшего повода думать, что совершившийся переворот повлек за собой ослабление роли России в общей союзной борьбе. Совершенно напротив, -- всенародное стремление довести мировую войну до решительной победы лишь усилилось...". Нота выражала далее уверенность в том, что победители "найдут способ добиться тех *гарантий* и *санкций*, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем". Слова о "гарантиях" и "санкциях", вставленные по настоянию Тома, на воровском языке дипломатии, особенно французской, не означали ничего иного, кроме аннексий и контрибуций. В день первомайского праздника Милюков телеграфно передал ноту,

написанную под диктовку союзных дипломатов, правительствам Антанты, и лишь после этого она была послана в Исполнительный комитет и одновременно -- в газеты. Контактную комиссию правительство обошло, и лидеры Исполкома оказались на положении рядовых граждан. Если соглашатели и не нашли в ноте ничего такого, чего не слышали бы от Милюкова раньше, то все же они не могли не видеть в ней обдуманно враждебного акта. Нота обезоруживала их перед массами и требовала от них прямого выбора между большевизмом и империализмом. Не в этом ли и состояла цель Милюкова? Все заставляет думать, что не только в этом: замысел его шел дальше.

Еще с марта Милюков изо всех сил пытался возродить злополучный проект захвата Дарданелл русским десантом и вел многократные переговоры с генералом Алексеевым, убеждая его энергично провести операцию, которая должна была, по его мнению, поставить протестующую против аннексий демократию перед совершившимся фактом. Нота Милюкова 18 апреля была параллельным десантом на плохо защищенное побережье демократии. Две акции -- военная и политическая -- дополняли друг друга и, в случае удачи, оправдывали друг друга. Победителей вообще не судят. Но Милюкову не суждено было оказаться победителем. Для десанта нужно было 200--300 тысяч войска. Но дело сорвалось из-за мелочи: отказа солдат. Защищать революцию они согласны, но не наступать самим. Дарданелльское покушение Милюкова потерпело неудачу. И это подорвало все его дальнейшие начинания. А надо признать, что они были рассчитаны неплохо... при условии победы.

17 апреля в Петербурге состоялась кошмарная патриотическая манифестация инвалидов: огромное число раненых из столичных лазаретов, безногих, безруких, забинтованных, двигалось к Таврическому дворцу. Тех, кто не мог идти, везли на грузовых автомобилях. На знаменах значилось: "война до конца". Это была манифестация отчаяния человеческих обрубков империалистической войны, которые хотели, чтобы революция не признала принесенные ими жертвы бессмысленными. Но за манифестантами стояла кадетская партия, точнее, Милюков, подготовлявший на завтра свой большой удар.

В экстренном заседании 19-го ночью Исполком обсуждал ноту, отправленную накануне союзным правительствам. "После первого прочтения, -- рассказывает Станкевич, -- всеми единодушно и без споров было признано, что это совсем не то, чего ожидал Комитет". Но за ноту отвечало правительство в целом, включая и Керенского. Надо было, следовательно, прежде всего спасти правительство. Церетели стал "расшифровывать" незашифрованную ноту и открывать в ней все больше и больше достоинств. Скобелев глубокомысленно доказывал, что нельзя вообще требовать "полного совпадения" стремлений демократии и правительства. Мудрецы угнетали себя до рассвета, но решения не нашли. Под утро разошлись, с тем чтобы через несколько часов собраться снова. Рассчитывали, очевидно, на способность времени исцелять всякие раны.

Наутро нота появилась во всех газетах. "Речь" комментировала ее в духе зрело обдуманной провокации. Социалистическая печать высказывалась крайне возбужденно. Большевистская "Рабочая газета", не успевшая еще, вслед за Церетели и Скобелевым, освободиться от паров ночного возмущения, писала, что Временное правительство опубликовало "акт, являющийся издевательством над стремлениями демократии", и требовала от Совета решительных мер, "чтобы предотвратить его ужасные последствия". Растущий нажим большевиков чувствовался в этих фразах очень явственно. Исполком возобновил заседание, но только для того, чтобы снова убедиться в своей неспособности прийти к какому бы то ни было решению. Постановили созвать экстренный пленум Совета "для информации" -- на самом деле, чтобы прощупать степень недовольства низов и выгадать время для собственных колебаний. В промежутке намечались всякого рода контактные заседания, которые должны были свести вопрос на нет.

Но в эту ритуальную возню двоевластия неожиданно вмешалась третья сила. На улицы вышли массы с оружием в руках. Меж штыков солдат мелькали буквы плакатов: "Долой Милюкова!" На других плакатах красовался также и Гучков. В негодующих колоннах трудно было узнать демонстрантов 1-го мая.

Историки называют это движение "стихийным" в том условном смысле, что ни одна партия не брала на себя инициативу выступления. Непосредственный призыв на улицу исходил от некоего Линде, который и вписал этим свое имя в историю революции. "Ученый, математик, философ", Линде стоял вне партий, всей душой был на стороне революции и горячо хотел, чтобы она выполняла то, что обещает. Нота Милюкова и комментарии "Речи" возмутили его. "Не посоветовавшись ни с кем... -- рассказывает его биограф, -- он сразу приступил к действиям... направился в Финляндский полк, созвал комитет и предложил немедленно пойти всем полком к Мариинскому дворцу... Предложение Линде было принято, и в 3 часа дня по улицам Петрограда уже направлялась внушительная демонстрация финляндцев с вызывающими плакатами". Вслед за Финляндским полком выступили солдаты 180-го запасного, Московского, Павловского, Кексгольмского, матросы 2-го Балтийского флотского экипажа, всего до 25--30 тысяч человек, все с оружием. В рабочих кварталах пошло волнение, прекращали работу и заводами выходили на улицу вслед за полками.

"Большинство солдат не знало, зачем они пришли", -- уверяет Милюков, точно он успел их опросить. "Кроме войск в демонстрации участвовали рабочие-подростки, громко (!) заявлявшие, что им за это заплачено по 10--15 рублей". Источник оплаты ясен: "задача устранения обоих министров (Милюкова и Гучкова) прямо была поставлена из Германии". Милюков давал это глубокомысленное объяснение не в разгаре апрельской борьбы, а через три года после октябрьских событий, которые достаточно ясно показали, что ни у кого не было надобности оплачивать высокой поденной платой ненависть народных масс к Милюкову.

Внезапная острота апрельской демонстрации объясняется непосредственностью массовой реакции на обман сверху. "Пока правительство не добьется мира, надо обороняться". Это говорилось без энтузиазма, но убежденно. Предполагалось, что наверху делается все, чтобы приблизить мир. Правда, от большевиков шли утверждения, что правительство хочет продолжения войны ради грабежей. Но возможно ли это? А Керенский? Мы советских вождей знаем с февраля, они первыми пришли к нам в казармы, они за мир. К тому же Ленин из Берлина приехал, а Церетели на каторге был. Надо потерпеть... В то же время передовые заводы и полки все тверже выдвигали большевистские лозунги политики мира: опубликование тайных договоров и разрыв с завоевательными планами Антанты, открытое предложение немедленного мира всем воюющим странам. В эти сложные и колеблющиеся настроения упала нота 18 апреля. Как так? Наверху, значит, не за мир, а за старые цели войны? Значит, мы напрасно ждем-терпим? Долой!.. Но кого долой? Неужели правы большевики? Не может быть. Но как же нота? Значит, кто-то все-таки нашу шкуру продает царским союзникам? Из простого сопоставления кадетской и соглашательской печати выходило, что Милюков, обманув общее доверие, собирается вести завоевательную политику совместно с Ллойд Джорджем и Рибо. И Керенский заявил ведь, что покушение на Константинополь есть "личное мнение" Милюкова. Так вспыхнуло это движение.

Но оно не было однородным. Отдельные горячие элементы из среды революционеров тем более переоценивали объем и политическую зрелость движения, чем ярче и внезапнее оно прорвалось наружу. Большевики в частях и на заводах развернули энергичную работу. Требование "убрать Милюкова", которое было своего рода программой-минимум движения, они дополняли плакатами против Временного правительства в целом, причем разные элементы понимали это по-разному: одни -- как лозунг пропаганды, другие -- как сегодняшнюю задачу. Вынесенный на улицу вооруженными солдатами и матросами лозунг "Долой Временное правительство" неминуемо вносил в демонстрацию струю вооруженного восстания. Значительные группы рабочих и солдат не прочь были тут же потряхнуть Временным правительством. От них исходили попытки проникнуть в Мариинский дворец, занять его выходы, арестовать министров. Для их спасения был командирован Скобелев, который тем успешнее выполнил свою миссию, что Мариинский дворец оказался пуст.

Вследствие болезни Гучкова правительство заседало этот раз на его частной квартире. Но не эта случайность уберегла министров от ареста, который серьезно им вовсе и не грозил. Армия в 25--30 тысяч солдат, вышедшая на улицы для борьбы с затягивателями войны, была вполне достаточна, чтобы сбросить и более солидное правительство, чем то, во главе которого стоял князь Львов. Но демонстранты не ставили себе этой цели. Они хотели, в сущности, лишь погрозить в окно кулаком, что бы высокие господа перестали точить зубы на Константинополь и занялись бы как

следует вопросом о мире. Этим солдаты рассчитывали помочь Керенскому и Церетели против Милюкова.

На заседание правительства прибыл генерал Корнилов, сообщил о происходящих вооруженных демонстрациях и заявил, что в качестве командующего войсками Петроградского военного округа располагает достаточными силами, чтобы подавить возмущение вооруженной рукой: остановка только за приказом. Случайно присутствовавший на заседании правительства Колчак рассказывал впоследствии, на процессе, который предшествовал его расстрелу, что князь Львов и Керенский выступали против попытки военной расправы над демонстрантами. Милюков прямо не высказывался, но резюмировал положение в том смысле, что господа министры могут, конечно, рассуждать как угодно, но это не помешает их переселению в тюрьму. Не могло быть никакого сомнения в том, что Корнилов действовал по соглашению с кадетским центром.

Соглашательским лидерам удалось без труда побудить солдат-демонстрантов уйти с площади перед Мариинским дворцом и даже направить их обратно по казармам. Возбуждение, поднятое в городе, однако, не входило в берега. Собирались толпы, шли митинги, на перекрестках спорили, в трамваях делились на сторонников и противников Милюкова. На Невском и в прилегающих улицах буржуазные ораторы вели агитацию против Ленина, присланного из Германии, чтобы свергнуть великого патриота Милюкова. На окраинах, в рабочих кварталах, большевики стремились негодование против ноты и ее автора распространить на правительство в целом.

В 7 часов вечера собрался пленум Совета. Вожди не знали, что сказать аудитории, трепетавшей от страстного напряжения. Чхеидзе пространно докладывал, что предстоит после заседания встреча с Временным правительством. Чернов пугал надвинувшейся гражданской войной. Федоров, рабочий-металлист, член ЦК большевиков, возражал, что гражданская война уже есть и что советам остается опереться на нее и взять власть в свои руки. "Это были новые и тогда очень страшные слова, -- пишет Суханов. -- Они попадали в центр настроений и находили на этот раз такой отклик, какого раньше, ни долго после не встречали в Совете большевики".

Гвоздем заседания стала, однако, неожиданно для всех речь наперсника Керенского, либерального социалиста Станкевича. "Зачем, товарищи, нам "выступить"? -- спрашивал он. -- Против кого применять силу? Ведь вся сила -- это вы и те массы, которые стоят за вами... Вон, смотрите, сейчас без пяти минут семь. (Станкевич протягивает руку к стенным часам, весь зал оборачивается туда же.) Постановите, чтобы Временного правительства не было, чтобы оно ушло в отставку. Мы позвоним об этом по телефону, и через пять минут оно сложит полномочия. Зачем тут насилия, выступления, гражданская война?" В зале -- бурные рукоплескания, восторженные возгласы. Оратор хотел испугать Совет крайним выводом из создавшегося положения, но испугал себя самого эффектом своей речи. Нечаянная правда слов о мощи Совета приподняла собрание над жалкой возней руководителей,

которые больше всего заботились о том, чтобы не дать Совету вынести какое-либо решение. "Кто заменит правительство? -- возражал на аплодисменты один из ораторов. -- Мы? Но у нас руки дрожат"... Это была несравненная характеристика соглашателей, высокопарных вождей с дрожащими руками.

Министр-председатель Львов, как бы дополняя Станкевича с другой стороны, сделал на следующий день такое заявление: "До сих пор Временное правительство встречало неизменную поддержку со стороны руководящего органа Совета. Последние две недели... правительство взято под подозрение. При таких условиях... лучше всего Временному правительству уйти". Мы снова видим, какова была реальная конституция февральской России! В Мариинском дворце состоялась встреча Исполнительного комитета с Временным правительством.

Князь Львов во вступительной речи жаловался на поход, предпринятый социалистическими кругами против правительства, и полуобиденно, полуугрожающе говорил об отставке. Министры по очереди рисовали трудности, накоплению которых они изо всех сил способствовали. Милюков, повернувшись к контактному слововорению спиной, выступал с балкона перед кадетскими демонстрациями. "Видя эти плакаты с надписями '^ Долой Милюкова'... я не боялся за Милюкова. Я боялся за Россию!" Так передает историк Милюков скромные слова, которые Милюков-министр произносил перед собравшейся на площади толпой. Церетели требовал от правительства новой ноты. Чернов нашел гениальный выход, предложив Милюкову перейти в министерство народного просвещения: Константинополь, в качестве объекта географии, был во всяком случае безопаснее, чем в качестве объекта дипломатии. Милюков, однако, наотрез отказался как вернуться к наукам, так и писать новую ноту. Лидеры Совета не заставили себя долго просить и согласились на "разъяснение" старой ноты. Оставалось найти несколько фраз, лживость которых была бы достаточно демократически прилизана, -- и положение можно было бы считать спасенным, а вместе с ним и портфель Милюкова.

Но беспокойный третий не хотел успокаиваться. День 21 апреля принес новую волну движения, более могучую, чем вчерашняя. Сегодня уже на демонстрацию призывал Петроградский комитет большевиков. Несмотря на контрагитацию меньшевиков и эсеров, огромные массы рабочих двинулись в центр с Выборгской стороны, а затем и из других районов. Исполнительный комитет послал навстречу демонстрации авторитетных успокоителей во главе с Чхеидзе. Но рабочие твердо хотели сказать свое слово, и у них было что сказать. Известный либеральный журналист описывал в "Речи" манифестацию рабочих на Невском: "Впереди около сотни вооруженных; за ними стройные ряды невооруженных мужчин и женщин -- тысячи человек. Живые цепи по обе стороны. Пение. Поразили меня их лица. У этих тысяч одно лицо, иступленное, монашеское лицо первых веков христианства, непримиримое, безжалостно готовое на убийства, инквизицию и смерть". Либеральный журналист заглянул рабочей революции в глаза и почувствовал

на миг ее сосредоточенную решимость. Как мало эти рабочие похожи на милюковских подростков, нанятых Людендорфом за 15 рублей в сутки!

Сегодня, как и накануне, демонстранты не шли низвергать правительство, хотя большинство их, надо полагать, уже серьезно задумывалось над этой задачей; часть же готова была и сегодня увлечь демонстрацию далеко за пределы настроений большинства. Чхеидзе предложил манифестации повернуть обратно, в свои районы. Но руководители сурово ответили, что рабочие сами знают, что им делать. Это была новая нота, и Чхеидзе придется к ней в течение ближайших недель привыкать.

В то время как соглашатели уговаривали и тушили, кадеты вызывали и разжигали. Несмотря на то что Корнилов не получил вчера санкции на применение оружия, он не только не покидал своего плана, но, наоборот, именно сегодня с утра принимал меры к тому, чтобы противопоставить демонстрантам конницу и артиллерию. В твердом расчете на лихость генерала кадеты особым листком вызвали своих сторонников на улицы, явно стремясь довести дело до решающего конфликта. Хоть и без успешного десанта на Дарданелльское побережье, Милюков продолжал развертывать свою оффензиву с Корниловым в качестве авангарда, с Антантой в качестве тяжелого резерва. Нота, посланная за спиной Совета, и передовица "Речи" должны были играть роль эмской депеши либерального канцлера Февральской революции. "Все, кто стоит за Россию и ее свободу, должны сплотиться вокруг Временного правительства и поддержать его", -- так гласило воззвание кадетского Центрального комитета, приглашавшее всех добрых граждан на улицы для борьбы против сторонников немедленного мира.

Невский, главная артерия буржуазии, превратился в сплошной кадетский митинг. Значительная демонстрация, возглавлявшаяся членами кадетского Центрального комитета, двигалась к Мариинскому дворцу. Всюду видны были свежие, только что из мастерской, плакаты: "Полное доверие Временному правительству", "Да здравствует Милюков!" Министры выглядели именинниками: у них оказался свой "народ", тем более заметный, что эмиссары Совета выбивались из сил, распуская революционные митинги, направляя рабочие и солдатские демонстрации из центра на окраины и удерживая казармы и заводы от выступлений. Под флагом защиты правительства происходила первая открытая и широкая мобилизация контрреволюционных сил. В центре города появились грузовики с вооруженными офицерами, юнкерами, студентами. Выступали георгиевские кавалеры. "Золотая молодежь" организовала на Невском судилище, тут же на месте устанавливавшее ленинцев и "немецких шпионов". Были уже стычки и жертвы. Первое кровавое столкновение, как передавали, началось с попытки офицеров отобрать у рабочих знамя с лозунгом против Временного правительства. Столкновения становились все ожесточеннее, началась перестрелка, ставшая после полудня почти непрерывной. Никто не знал точно, кто и зачем стреляет. Но были уже жертвы этой беспорядочной,

отчасти злоумышленной, отчасти панической стрельбы. Температура накалялась.

Нет, этот день ничем не походил на манифестацию национального единства. Два мира стояли лицом к лицу. Патриотические колонны, вызванные на улицы кадетской партией против рабочих и солдат, состояли исключительно из буржуазных слоев населения, офицерства, чиновничества, интеллигенции. Два человеческих потока, за Константинополь и за мир, выходили из разных частей города, разные по социальному составу, ни в чем друг на друга не похожие по внешнему виду, с враждебными надписями на плакатах, и, сталкиваясь, они пускали в ход кулаки, палки, даже огнестрельное оружие.

До Исполнительного комитета дошла неожиданная весть, что Корнилов выкатывает на Дворцовую площадь пушки. Самостоятельная инициатива командующего округом? Нет, характер и дальнейшая карьера Корнилова свидетельствуют, что храброго генерала всегда кто-нибудь водил за нос, -- функция, которую на этот раз выполняли кадетские лидеры. Только в расчете на вмешательство Корнилова и чтобы сделать это вмешательство необходимым, они и вызвали свои массы на улицу. Один из молодых историков правильно отмечает, что попытка Корнилова стянуть военные училища на Дворцовую площадь совпала не с моментом действительной или мнимой необходимости защищать Мариинский дворец от враждебной толпы, а с моментом наивысшего подъема кадетской манифестации.

План Милюкова--Корнилова, однако, сорвался, и весьма позорно. Как ни просты были вожди Исполнительного комитета, но они не могли не понять, что дело идет об их головах. Еще до первых известий о кровавых столкновениях на Невском Исполком разослал во все воинские части Питера и окрестностей телеграфное распоряжение: не отправлять без предписания Совета ни одной части на улицы столицы. Теперь, когда намерения Корнилова вышли наружу. Исполком, вопреки всем своим торжественным декларациям, наложил обе руки на руль, не только потребовав от командующего немедленно отозвать войска, но и поручив Скобелеву и Филипповскому вернуть вышедшие войска обратно именем Совета. "Без зова Исполнительного комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. *Только Исполнительному комитету принадлежит право располагать вами*". Отныне всякий приказ о выводе войск, помимо обычных нарядов, должен быть отдан на официальном документе Совета и скреплен подписью не менее чем двух уполномоченных на то лиц. Казалось, Совет недвусмысленно истолковывал этим действия Корнилова как попытку со стороны контрреволюции вызвать гражданскую войну. Но сводя своим приказом на нет командование округом. Исполком и не подумал сменить самого Корнилова: можно ли посягать на прерогативы власти? "Руки дрожат". Молодой режим был обложен фикциями, как больной -- подушками и компрессами. С точки зрения соотношения сил поучительнее всего, однако, тот факт, что не только воинские части, но и офицерские училища, еще до получения приказа Чхеидзе, отказались выступить без санкции Совета.

Непредвиденные кадетами неприятности, сыпавшиеся одна за другой, были неизбежными последствиями того, что русская буржуазия ко времени национальной революции оказалась антинациональным классом, -- это можно было на короткий срок замаскировать двоевластием, но исправить это было нельзя.

Апрельский кризис, по видимости, собирался разыгаться вничью. Исполнительному комитету удалось удержать массы на пороге двоевластия. Со своей стороны, благодарное правительство разъяснило, что под "гарантиями" и "санкциями" надлежит понимать международные трибуналы, ограничение вооружений и тому подобные превосходные вещи. Исполком поспешил ухватиться за эти терминологические уступки и 34 голосами против 19 признал вопрос исчерпанным. Для успокоения своих встревоженных рядов большинство провело еще такие постановления: усилить контроль над деятельностью Временного правительства; без предварительного осведомления Исполкома не должен издаваться ни один крупный политический акт; состав дипломатического представительства должен быть радикально изменен. Фактическое двоевластие было переведено на юридический язык конституции. Но ничто при этом не изменялось в природе вещей. Левое крыло не смогло добиться от соглашательского большинства даже отставки Милюкова. Все должно было остаться по-старому. Над Временным правительством возвышался гораздо более действительный контроль Антанты, на который Исполнительный комитет и не думал посягать.

Вечером 21-го Петроградский Совет подводил итоги. Церетели докладывал о новой победе мудрых руководителей, которая кладет конец всяким лжетолкованиям ноты 27 марта. Каменев от имени большевиков предлагал образование чисто советского правительства. Коллонтай, популярная революционерка, перешедшая во время войны от меньшевиков к большевикам, предлагала устроить народное голосование по районам Петрограда и окрестностей о желательности того или иного Временного правительства. Но эти предложения прошли почти мимо сознания Совета: вопрос казался улаженным. Огромным большинством, против 13 человек, была принята утешительная резолюция Исполкома. Правда, большинство депутатов-большевиков находились еще при своих заводах, на улицах, в демонстрациях. Но остается все же несомненным, что из основной толщи Совета не было никакого сдвига в сторону большевиков.

Совет предписал воздержаться на два дня от всяких уличных демонстраций. Постановление было принято единогласно. Ни у кого не было и тени сомнения в том, что все подчинится решению. И действительно: рабочие, солдаты, буржуазная молодежь, Выборгская сторона и Невский проспект, никто не посмел ослушаться советского приказа. Успокоение было достигнуто без каких бы то ни было принудительных мер. Стоило Совету почувствовать себя хозяином положения, и он оказывался им на деле.

В редакции левых газет стекались тем временем многие десятки заводских и полковых резолюций с требованием немедленной отставки

Милюкова, иногда и всего Временного правительства. Всколыхнулся не только Петроград. В Москве рабочие бросали станки, солдаты выходили из казарм, заполняя улицы бурными протестами. В Исполнительный комитет стекались в ближайшие дни телеграммы от десятков местных советов, против политики Милюкова, с обещанием полной поддержки Совету. Такие же голоса шли и с фронта. Но все должно было оставаться по-старому.

"В течение 21 апреля, -- утверждал впоследствии Милюков, -- настроение, благоприятное правительству, возобладало на улицах". Он имеет, очевидно, в виду улицы, которые ему пришлось наблюдать с балкона, после того как большинство рабочих и солдат вернулось к себе. На самом деле правительство оказалось совершенно обнаженным. Никакой серьезной силы за ним не было. Мы только что слышали об этом от Станкевича и самого князя Львова. Что же означали заверения Корнилова, будто у него достаточно сил, чтобы справиться с мятежниками? Ничего, кроме крайнего легкомыслия почтенного генерала. Оно достигнет расцвета в августе, когда заговорщик Корнилов двинет против Петрограда несуществующие войска. Дело в том, что Корнилов все еще пытался судить о воинских частях по командному составу. Офицерство в большинстве своем было, несомненно, с ним, т. е. готово было, под видом защиты Временного правительства, переломать ребра Совету. Солдаты стояли за Совет, будучи по настроению неизмеримо левее Совета. Но так как сам Совет стоял за Временное правительство, то выходило, что Корнилов мог на защиту Временного правительства вывести советских солдат, возглавляемых реакционными офицерами. Благодаря режиму двоевластия, все играли друг с другом в жмурки. Однако едва вожди Совета приказали войскам не покидать казарм, как Корнилов повис в воздухе вместе со всем Временным правительством.

И тем не менее правительство не свалилось. Массы, которые вели нападение, совершенно не были готовы довести его до конца. Соглашательские вожди могли поэтому еще попытаться вернуть февральский режим в исходное положение. Забыв или желая заставить забыть других, что Исполком оказался вынужден открыто и против "законных" властей наложить руку на армию, "Известия" Совета жаловались 22 апреля: "Советы не стремились к захвату власти в свои руки. Между тем на многих знаменах сторонников Совета были надписи, требовавшие свержения правительства и перехода всей власти к Совету..." Разве не возмутительно, в самом деле, что рабочие и солдаты хотели соблазнить соглашателей властью, т. е. всерьез считали этих господ способными сделать из власти революционное употребление? Нет, власти эсеры и меньшевики не хотели. Большевистская резолюция о переходе власти к советам собрала в Петроградском Совете, как мы видели, ничтожное число голосов. В Москве резолюция недоверия Временному правительству, внесенная большевиками 22 апреля, собрала из многих сотен 74 голоса. Правда, Гельсингфорский Совет, несмотря на преобладание в нем эсеров и меньшевиков, вынес в этот самый день исключительно для того времени смелую резолюцию, предлагая Петроградскому Совету свою вооруженную помощь для устранения

"империалистского Временного правительства". Но эта резолюция, принятая под прямым давлением военных моряков, представляла исключение. В подавляющем своем большинстве советское представительство столь близких вчера к восстанию против Временного правительства масс оставалось полностью на почве двоевластия. Что это значит?

Бьющее в глаза противоречие между решительностью массового наступления и половинчатостью его политического отражения не случайно. Угнетенные массы в революционную эпоху легче и скорее вовлекаются в прямое действие, чем научаются давать своим желанием и требованиям оформленное выражение через собственное представительство. Чем абстрактнее система представительства, тем более последнее отстает от ритма событий, определяемого действиями масс. Советское представительство, наименее абстрактное из всех, имеет в условиях революции неизмеримые преимущества: достаточно напомнить, что демократические думы, выбранные на основании внутренних правил 17 апреля, ничем и никем не стесненные, оказались совершенно бессильны конкурировать с советами. Но при всех преимуществах своей органической связи с заводами и полками, т. е. с действующими массами, советы все же являются представительством и, следовательно, не свободны от условностей и искажений парламентаризма. Противоречие представительства, даже советского, состоит в том, что оно, с одной стороны, необходимо для действия масс, а с другой, легко становится для него консервативной помехой. Практический выход из противоречия состоит каждый раз в обновлении представительства. Но эта операция, отнюдь не столь простая, является, особенно в революции, выводом из прямого действия и потому отстает от него. Во всяком случае, на другой день после апрельского полу восстания, вернее сказать, четверть восстания -- полувосстание произойдет в июле, -- в Совете заседали еще те же депутаты, что и накануне, и, попав снова в обычную обстановку, голосовали за предложения обычных руководителей.

Но это ни в каком случае не значит, что апрельская буря прошла бесследно для Совета, для всей февральской системы, а тем более -- для самих масс. Грандиозное вмешательство рабочих и солдат в политические события, хоть и не доведенное до конца, изменяет политическую обстановку, дает толчок общему движению революции, ускоряет неизбежные перегруппировки и вынуждает комнатных и закулисных политиков забыть о своих вчерашних планах и приспособить свои действия к новой обстановке.

После того как соглашатели ликвидировали вспышку гражданской войны, воображая, что все возвращается на старые позиции, правительственный кризис только открылся. Либералы не хотели больше править без прямого участия социалистов в правительстве. Социалисты, вынужденные логикой двоевластия пойти навстречу этому условию, потребовали, с своей стороны, демонстративной ликвидации дарданелльской программы, что неотвратимо привело к ликвидации Милюкова. 2 мая Милюков оказался вынужден покинуть ряды правительства. Лозунг

демонстрации 20 апреля осуществился, таким образом, с запозданием на 12 дней и против воли советских вождей.

Но проволочки и оттяжки лишь ярче подчеркнули бессилие правящих. Милюков, собиравшийся произвести при помощи своего генерала крутой перелом в соотношении сил, выскочил из правительства с шумом, как пробка. Генерал-рубака оказался вынужден просить отставку. Министры совсем не походили больше на именинников. Правительство умоляло Совет согласиться на коалицию. Все это потому, что массы нажали на длинный конец рычага.

Это не значит, однако, что соглашательские партии стали ближе к рабочим и солдатам. Наоборот, апрельские события, показавшие, какие неожиданности таятся в массах, толкнули демократических вождей еще более вправо, в сторону более тесного сближения с буржуазией. С этого времени патриотическая линия берет окончательно верх. Большинство Исполнительного комитета становится сплоченнее. Бесформенные радикалы, вроде Суханова, Стеклова и пр., еще недавно вдохновлявшие советскую политику и пытавшиеся что-то отстоять из традиций социализма, отодвигаются в сторону. Церетели устанавливает твердый консервативный и патриотический курс, представляющий приспособление милюковской политики к представительству трудящихся масс.

Поведение большевистской партии в апрельские дни не было целостным. События застигли партию врасплох. Внутренний кризис только завершался, шла деятельная подготовка к партийной конференции. Под впечатлением острого возбуждения в районах некоторые большевики высказывались за свержение Временного правительства. Петроградский комитет, который еще 5 марта выносил резолюцию условного доверия Временному правительству, колебался. Решено было устроить 21-го демонстрацию, но цель ее не была достаточно ясно определена. Часть Петроградского комитета выводила рабочих и солдат на улицу с намерением, не очень, правда, отчетливым, попытаться мимоходом опрокинуть Временное правительство. В том же направлении действовали отдельные левые элементы, стоявшие вне партии. Вмешались, по-видимому, и анархисты, не многочисленные, но суетливые. В воинские части обращались отдельные лица с требованиями бронированных автомобилей или подкреплений вообще то для ареста Временного правительства, то для уличной борьбы с врагами. Близкий к большевикам броневой дивизион заявил, однако, что не предоставит машин ни в чье распоряжение иначе как по приказанию Исполнительного комитета.

Кадеты всеми мерами старались обвинить в происшедших кровавых столкновениях большевиков. Но особой комиссией Совета было незыблемо установлено, что стрельбу начали не с улицы, а из ворот и окон. В газетах было опубликовано сообщение прокурора: "Стрельба производилась подонками общества с целью вызвать всегда выгодные хулиганам беспорядки и суматоху".

Враждебность к большевикам со стороны правящих советских партий еще далеко не достигла того напряжения, которое через два месяца, в июле, уже окончательно затмевало и разум и совесть. Судебное ведомство, хотя и в старом составе, подтянулось пред лицом революции и в апреле еще не позволяло себе применять против крайней левой методы царской охраны. Атака Милюкова была без труда отбита и по этой линии.

Центральный Комитет одернул левое крыло большевиков и заявил 21 апреля, что воспрещение Советом демонстраций считает совершенно правильным и подлежащим безусловному выполнению. Лозунг "Долой Временное правительство" потому не верен сейчас, гласила резолюция Центрального Комитета, что без прочного (т. е. сознательного и организованного) большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг либо есть фраза, либо сводится к попыткам авантюристического характера. Задачами момента резолюция выдвигает критику, пропаганду и завоевание большинства в советах как предпосылку завоевания власти. В этом заявлении противники усмотрели не то отступление перепуганных руководителей, не то хитрый маневр. Но мы уже знаем основную позицию Ленина в вопросе о власти; теперь он учил партию применять апрельские тезисы на опыте событий.

Три недели перед тем Каменев заявлял, что он "счастлив" голосовать с меньшевиками и эсерами за единую резолюцию о Временном правительстве, а Сталин развивал теорию разделения труда между кадетами и большевиками. Как далеко в прошлое отошли эти дни и эти теории! После урока апрельских дней Сталин впервые выступил наконец против теории благожелательного "контроля" над Временным правительством, осторожно отступая от собственного вчерашнего дня. Но этот маневр прошел незамеченным.

В чем состоял элемент авантюризма в политике некоторых частей партии? -- спрашивал Ленин на конференции, открывшейся сейчас же после грозных дней. В попытках действовать насилем там, где для революционного насилия нет еще или нет уже места. "Можно свергать того, кто известен народу как насильник. Теперь же насильников никаких нет, пушки и ружья у солдат, а не у капиталистов; капиталисты не насилем сейчас берут, а обманом, и кричать сейчас о насилии нельзя:

это бессмыслица... Мы дали лозунг мирных демонстраций. Мы желали произвести только мирную разведку сил неприятеля, но не давать сражения, а Петроградский комитет взял чуточку левее... Вместе с правильным лозунгом: "Да здравствуют советы" был дан неправильный: "Долой Временное правительство". В момент действия брать "чуточку полевее" было неуместно. Мы рассматриваем это как величайшее преступление, как дезорганизацию".

Что лежит в основе драматических событий революции? Сдвиги в соотношении сил. Чем они вызываются?

Главным образом, колебаниями промежуточных классов, крестьянства, мелкой буржуазии, армии. Гигантская амплитуда колебаний -- между

кадетским империализмом и большевизмом. Эти колебания идут одновременно в двух противоположных направлениях. Политическое представительство мелкой буржуазии, ее верхи, соглашательские вожди, все больше тяготеют вправо, в сторону буржуазии. Угнетенные массы, наоборот, все резче и смелее будут откачиваться каждый раз влево. Выступая против авантюризма, проявленного руководителями петроградской организации, Ленин оговаривается: если бы промежуточные массы колебнулись в нашу сторону серьезно, глубоко, устойчиво, -- мы ни на минуту не задумались бы выселить правительство из Мариинского дворца. Но этого еще нет. Апрельский кризис, вышедший на улицы, это "не первое и не последнее колебание мелкобуржуазной и полупролетарской массы". Наша задача пока еще: "терпеливо разьяснять", готовить следующий сдвиг масс в нашу сторону, более глубокий, более сознательный.

Что касается пролетариата, то поворот его в сторону большевиков принял в течение апреля ярко выраженный характер. Рабочие приходили в комитеты партии и спрашивали, как им переписаться из меньшевистской партии в большевистскую. На заводах стали настойчиво допрашивать своих депутатов насчет внешней политики, войны, двоевластия, продовольствия, и в результате таких экзаменов эсеровские или меньшевистские депутаты все чаще заменялись большевистскими. Резкий поворот начался с районных советов как более близких к заводам. В советах Выборгской стороны, Васильевского острова, Нарвского района большевики как-то сразу и неожиданно оказались к концу апреля в большинстве. Это был факт величайшего значения, но вожди Исполкома, поглощенные высокой политикой, относились с высокомерием к возне большевиков в рабочих кварталах. Однако районы начинали все явственнее нажимать на центр. По заводам, помимо Петроградского комитета, открылась энергичная и успешная кампания за переизбрание представителей в общегородской Совет рабочих депутатов. Суханов считает, что к началу мая за большевиками шла треть петроградского пролетариата. Во всяком случае -- не меньше, и притом -- наиболее активная треть. Мартовская бесформенность исчезала, политические линии оформлялись, "фантастические" тезисы Ленина облекались плотью в районах Петрограда.

Каждый шаг революции вперед вызывается или вынуждается прямым вмешательством масс, совершенно неожиданным, в большинстве случаев, для советских партий. После февральского переворота, когда рабочие и солдаты опрокинули монархию, никого не спросив, вожди Исполнительного комитета сочли роль масс выполненной. Но они роковым образом ошиблись. Массы совсем не собирались сойти со сцены. Уже в начале марта, во время кампании за 8-часовой рабочий день, рабочие вырвали у капитала, несмотря на то что на плечах их висели меньшевики и эсеры. Совету пришлось зарегистрировать победу, одержанную без него и против него. Апрельская демонстрация явилась второй поправкой того же типа. Каждое из массовых выступлений, независимо от его непосредственной цели, является предостережением по адресу руководства. Предостережение имеет сперва

мягкий характер, но затем становится все более решительным. В июле оно превращается в угрозу. В октябре наступает развязка.

Во все критические моменты массы вмешиваются "стихийно", другими словами, повинувшись своим собственным выводам из политического опыта и своим еще не признанным официально вождям. Ассимилируя те или другие элементы агитации, массы самочинно переводят ее выводы на язык действия. Большевики, как партия, еще не руководили кампанией за 8-часовой рабочий день. Большевики не звали массы и на апрельскую манифестацию. Большевики не позовут вооруженные массы на улицы и в начале июля. Только к октябрю партия успеет окончательно выровнять свой шаг, и во главе массы выступит уже не для демонстрации, а для переворота.